

«САМАЯ ПОДЛИННАЯ ЧТОБ ПРАВДА БЫЛА»

К 100-летию со дня рождения Бориса ЖИТКОВА

Б. Житков. Автопортрет. 1923 г.

Борис Степанович Житков писать начал поздно, после се- рока. До этого он успел объездить полмира, много повидать и пережить. Интересы его менялись, и очень долго Житков не находил себя, не мог понять, в чем же состоит его глав- ное призвание. Талант писателя раскрылся в нем как-то сра- зу и разгорелся быстро и ярко.

Чаще всего Житкова вспоминают как детского писателя. В самом деле он много писал для детей. Но его литературное наследие необыкновенно разнообразно. Он автор романа о первой русской революции «Виктор Вавич» и психологиче- ских рассказов для взрослых, автор пьес, фантастических произведений, проблемных статей о литературе. Он один из зачинателей научно-художественного жанра.

Еще в самом начале творческого пути Житков писал: «Глав- ное мое дело тут — правда, самая подлинная чтоб правда была».

С редкой даже для писателя щедростью Борис Степанович тратил время на письма и дневники. Много писем сохранила жена Бориса Житкова Вера Михайловна Арнольд и его стар- шая сестра Вера Степановна. В ЦГАЛИ СССР хранится около ста пятидесяти писем Житкова к его знакомой Елизавете Пет- ровне Бахаревой. Они полны размышлений о творчестве, о литературе.

Предлагаем вниманию читателей выдержки из неопублико- ванных писем Бориса Житкова.

ЛЕНИНГРАД

Г. ЧЕРНЕНКО

Остались позади трудные годы гражданской войны. Из Одессы, где Житков препода- вал на рабфаке, с неясными планами и надеждами он при- езжает в Петроград. Неожиданная страсть к рисованию захватила его.

Е. П. БАХАРЕВОЙ

29 сентября 1923 г.

С утра рисую себя в смехе. Работая и работой не порчу, а дохожу — вот это то, что надо.

Уже есть сходство. Смеш- но, право! Много переделал, и еще лучше стало... Сейчас вечером я снова посмотрел на просвет смеющийся портрет — мне ничто из моего так не нравилось... Ни одной такой своей фотографии удачной я не знаю. Я сейчас за работой (за техникой штриха) не гонюсь — это все легко мне дается, но сходст- во, сходство! Вот это меня увлекает, восхищает и тро- гает.

12 ноября 1923 г.

Вот она, ночь... Сейчас ни- кто не помешает, никто не постучит, телефон не звякнет... Я днем начал на ватмане миниатюрный портрет. Еле оторвался, чтоб идти по де- лу... Какое это счастье и ка- кое мученье подчас, ну как от любви разве.

Решающим толчком к ли- тературным занятиям послужил разговор Житкова с его школьным товарищем, в то время уже известным ли- тератором Корнеем Чуковским. «Странное, не испытанное еще чувство внутренней сво- боды и простоты совершенно неожиданно родилось», — писал Борис Степанович.

14 декабря 1923 г.

Я написал рассказ... Кор- нейчуков! расхвалил, говорит, и мастерство видно, и «густо замешено», и слова нельзя выкинуть, не меняя всего ду- ха... Очень ему понравилось. Так, говорит, комната и пре- вращается в снежную пусты- ню, когда читаешь, и сам за- мерзает начинаешь... Просил написать что-нибудь более фабулистое. У меня есть в голове тема: мальчишка, по-

павший на рыбальство. Тут и море, и Тилигур, и обстре- лы, и базар, и чего тут толь- ко не расцветишь и бытото- го, и авантюрного, и психоло- гического. А перо, думаю, не выдаст...

Чудак барин, куда на ста- рости лет бросился!

Написал еще одну страни- цу. Так все боюсь, что неин- тересно, что тягуче и скуч- но... И до того хочется вплот- ную правды держаться, идти и по забору плечом тереться, чтоб ни шагу в сторону даже и в темноте... Я ведь свои сцены, как живые, вижу, и все разговоры у меня в ушах, и я волнуюсь вместе с моим мальчиком. Пройдет ли это через руку на бумагу? Это вот и есть вопрос техники. Но я сам благословил свой труд и уже полюбил его.

8 июля 1924 г.

Мне надо только неукосни- тельно работать на том пути, на котором сейчас стою. Чув- ствую, что в каком-то боль- шом деле участвую.

В 1924 году Ленинградский тюз заказал Борису Житкову пьесу «из морской жизни». Он выбрал время первой рус- ской революции, время, ему особенно памятное: «Все мои знакомые участвуют в деле. Знакомые люди, голоса кото- рых у меня в ушах».

19 сентября 1924 г.

Сейчас пьесу репетируют, и думаю, что в ноябре она пой- дет. Я уж читал ее перед со- бранием актеров. Читал «на голоса», несколько не конфу- зясь — сам удивлялся... Мне интересно, как она выйдет на сцене, — этого чувства я еще никогда не испытывал... И это до того интересно и жу- тко, что ноги чешутся, как в детстве в ожидании чего-ни- будь важного и радостного.

Премьера спектакля состо- ялась 7 ноября 1924 года.

8 ноября 1924 г.

Пишу... под впечатлением театральных оваций, поздрав- лений, горячих рукопожатий и искренних детских востор- женных приветствий. Как я страдал в... последних репе-

тициях: мне хотелось сорваться, схватить актера за руку, сказать за него, попра- вить...

Было много детей. Дети прерывали действие аплодис- ментами, и такими зарази- тельными и искренними, так хохотали в иных местах, что пропадали слова актеров...

Уже будучи автором мно- гих рассказов для детей, Бо- рис Житков приступает к ра- боте над рассказами для взрослых.

6 ноября 1925 г.

Теперь у меня новая эра: я пустился всерьез писать для взрослых... Трудно будет со- единить это с детским писа- тельством. Но не хочу я бро- сать детскую литературу — это строгая школа и верный барометр твоего внутреннего давления.

Над романом «Виктор Ва- вич» Житков работал около пяти лет. Он оставил роман на время, а потом снова, с еще большим жаром и на- стойчивостью принимался за него. Сомневался, пережи- вал: «Опять не так, опять на- до крепче и по самой сути, и чтоб про самое главное».

9 сентября 1927 г.

Вчера начал писать роман дальше... Сажусь, гляжу — последние пометки 24.V, с тех пор я не писал. Я вышел ос- новательно из той жизни, ко- торая в нем билась и пульси- ровала... Гляжу на бумагу, и кажется, что забыл, как это делается. Как пишется. Надо, чтоб ты сам зажил этой жизнью, чтоб так же спешил ее двигать, как неумолимо движет ее время, т. е. та жи- вая кровь в этих людях, что не дает им быть в покое... И я секунду боялся, что все оборвалось у меня с ними. Но понемногу заворoshились мысли, поднялась душа их из бумаги и пахнула в лицо. И я взял перо и стал толкать дальше эту жизнь.

15 августа 1931 г.

...Теперь надо кончать хо- дом «Вавича». Осталось 60 страниц. 240 уже написа- но... Очень уж широко завин- чено — то есть много винтов накручено, и теперь надо их все до отказа прижать. Пишу я каждый день последнее время. Все по ночам. Оттого

ложусь в 4, в 5 утра. Все мой товарищи удивляются, что так ходко движется ра- бота. А мне все кажется, что и плохо, и медленно... Не знаю, но я недоволен всем, что написал.

В. С. АРНОЛЬД

27 апреля 1932 г.

Сейчас была у меня Будог- ская и так горячо говори- ла о «Вавиче», что мне само- му стало страшно: неужели я это написал — я ведь за- был многое... Недоумевала, из чего сделано впечатление, возвращалась, искала, каки- ми это словами произведено, находила. Оказывается, про- сто «настоящие слова, но са- мые простые». Дело, конечно, в точности.

Весной 1932 года Борис Степанович задумал серию книжек с рассказами для ма- лолетних. Он приглашает писать эти книжки своих то- варищей-литераторов: Биан- ни, Олейникова, Хармса, Бар- мина. «А работа, ох, не лег- кая! — замечает Житков. — Такие я наворотил условия».

В. М. АРНОЛЬД

10 июня 1932 г.

Вообразите, Верочка, чи- тающего по складам взрос- лого. И вот первая книга — уж не для ученья, а для чтения. Я решил так. Коли с бою, с трудом и потом дает- ся каждое слово, так надо, чтоб сейчас же и користь яв- лялась. Это раз. Второе — читается медленно, вся голо- ва в труде одоления — не штука забыть начало фразы, дойдя до конца. Следователь- но, 6 слов между точками, не больше. Третье — чтоб инте- рес свой был в каждой фразе, тянул бы к следующей, чтоб забирало и затягивало. Четвертое — подумайте над каждым словом, как над рас- сказом, одной лирической былью... Вот я и настроил своих приятелей. Сюжет — как у Мериме, изложение, как Дюма...

Назначил к 21-му числу, чтобы половину каждый сде- лал. Сойтись, читать и друг друга ругать.

27 июля 1932 г.

Я пишу рассказ. Это опять для безграмотных, на лист места. Написал 6 страниц. Осталось 10. Олейников очень хвалит. Заболочкий говорит: пожалуйста, скорей дальше. А я и не знал, что там даль- ше. Куда ехать? И такое, что ни словом, ни бровью со- врать нельзя. Пишешь, как перед богом... И вот только в сей миг я нашел сюжетное разрешение, ей-богу, как искорка электрическая — трик! в мозгу, и есть. И очень здо- рово, и все хорошо уладить можно. Я скорей хочу тебе послать, что я написал.

Большая дружба связыва- ла Житкова с художником Владимиром Михайловичем Голицыным. Как и Житков, он был человеком, много по- видавшим, увлекающимся,

изобретательным. В 1937 го- ду Голицын иллюстрировал сборник рассказов Житкова «Помощь идет».

В. М. ГОЛИЦЫНУ

14 июня 1937 г.

Теперь, Владимир Михай- лович, дорогой мой, можно на дело серьезно глядеть...

Безусловная тема: Каспий, зима. Рыбаки на льдине в бу- шующей стихии. Впереди мгла и мга, мрак и погибель. Кучка народу, душ тридцать, штуки три лошадемок с дров- нями. Горка обледенелого «катлажа» рыбацкого. За- драна оглобля, к ней стень- гой прикручен шест — в по- гибельном изгибе, наверху треплется за рукав привязан- ная рубашка. Мужик один по- одал. Он, как и все, глядит вверх, в ветер, и машет шап- кой (ухастым малахаем), а там виден самолет.

Весьма классическое изо- бражение, против которого, думаю, возражать не будут, ибо самолет над этим ярче подчеркнет современность...

Другая безусловная тема: «Красин» и Нобиле. Момент появления «Красина» в мес- те гибели «Италии».

Это вы знаете не хуже ме- ня.

На лето Голицыны уезжали на Кавказ, в Гудауту. Письма с Черного моря напоминали Борису Степановичу его мор- ское прошлое.

9 августа 1937 г.

Ваше письмо, чтоб Вам со- всем, меня взволновало. Я ведь в свое время готовил себя в строители рыбацкого парусно-моторного флота. Се- го ради затронул погибших моих 6 лет жизни. Плаывая по морям и океанам, я зна- комился с рыбацким нацио- нальным судостроением, за- казывая модели судов этим самым национальным масте- рам...

Больше всего на свете мне хочется построить катамаран. Спорт так спорт! Эти лыжи в свежий ветер делают до 17—18 узлов. Правда, там не на чем как будто и сидеть и некуда положить пачки папи- рос. Но это так кажется. Я видел, как сингалесские ры- баки работали на катамаране в море, подымая с боль- шой глубины сеть, и тянули, взявшись втроем за толщен- ный фалень. Разумеется, ходят эти суда очень мокро, и они для тропических теплых вод. Погоду держат отлично. Это такая же гениальная вещь, как бумеранг. Вся Полинезия пользуется катамараном.

Ну, я что-то очень размеч- тался. А сам-то и по комнате своей сейчас лазаю 18 шагов в час.

19 октября 1938 года Житков умер. Он прожил мало — всего пятьдесят шесть лет. За пятнадцать лет (столько ему выпало работать в ли- тературе) он создал около двухсот произведений.